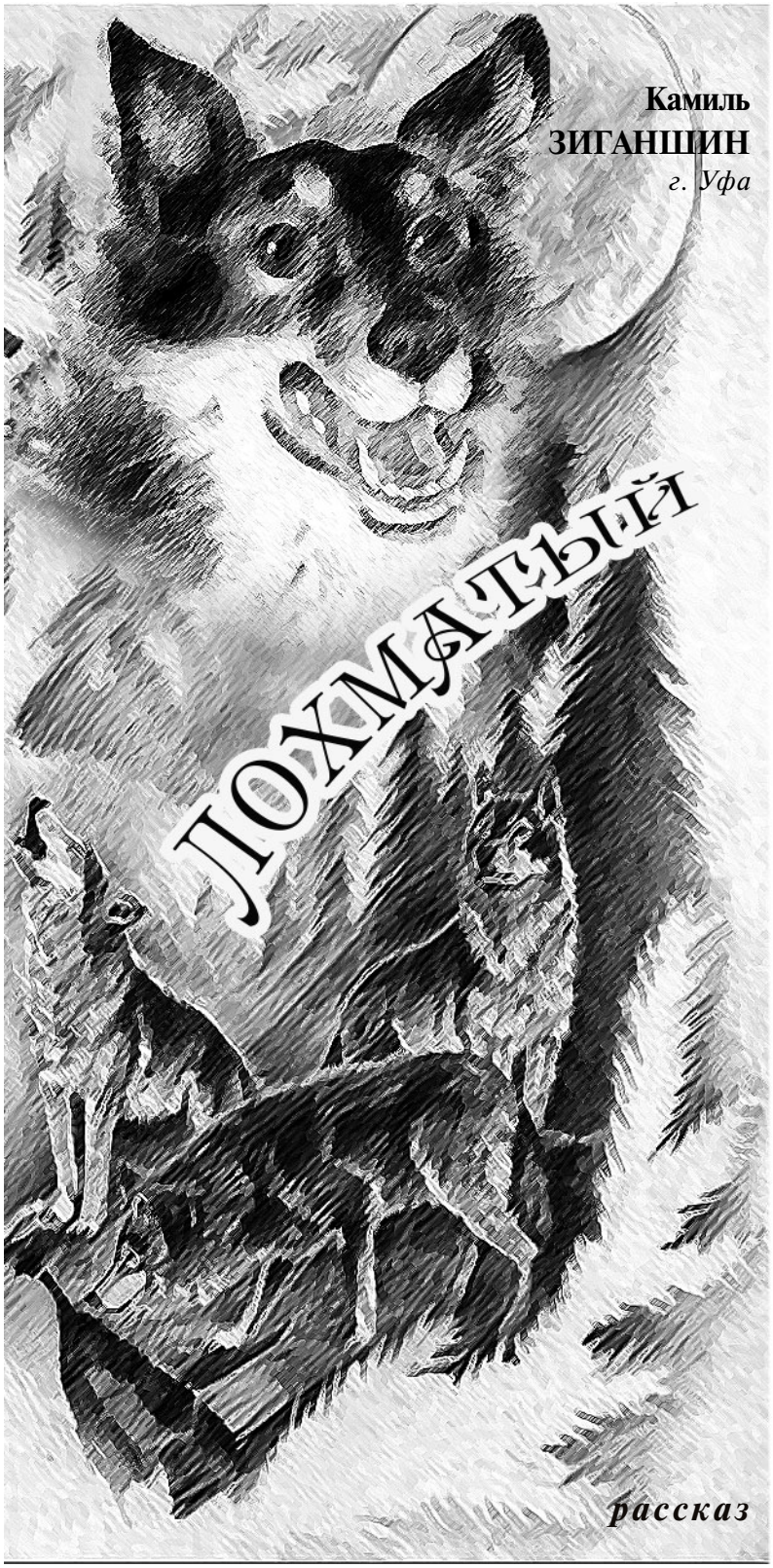


Камиль
ЗИГАНШИН
г. Уфа

ЛОХМАТЫЙ

рассказ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганые доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на окнах новенького дома зятя.

Распахнулась дверь, и из неё с шумом вывалились, похохатывая, плотная, во всём похожая на отца дочь Наталья и следом высокий жилистый зять.

– Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, – выпалила она.

– Да пора мне, Натаха, – сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

– Лохматый! – властно позвал он собаку и направился к переминающемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом мешок муки.

– Бывайте здоровы! Ждём в гости, – крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ощетинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, – подумал Лапа. – Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако башка у меня с толком», – самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завиляла по стиснутой увалами долине ручья. Сани

на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядиться выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра», – говорил он о таких. «Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемента не может подкинуть... Тоже мне, порядочный! Тьфу!» – сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря взглядом по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

– Но! Но! Пошёл! – сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя он и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак не спеша перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чуял, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался – посёлок уже был слишком далеко.

– Авось упрежу, – успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону – наперерез упряжке вылетела стая. Мощный главарь с ходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг – и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил мешок муки и с силой метнул в стаю.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

– Давай! Давай! – осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом.

Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт. Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» – мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня. Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного – и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он сдёрнул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но, однажды одураченные, серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом, Фёдор Дементьевич, не умолкая, исступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрей, Гнедко, быстрей!», то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором, на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд – и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски... Му-

жик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём – собака? Живая тварь, кровь – вот что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

– Пошёл, паскуда! – срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», – подумал Лапа, передёргиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх себя кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

«Спит, чертовка. Ей-то что», – обозлился на безвинную супругу Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем – темно.

– Лампочка перегорела, Федя, – тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

– Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, – оправдывалась хозяйка.

– Мечи на стол, замёрз, – скомандовал муж, опускаясь на табуретку. – Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, – и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

– Ешь! Это тебе за справную службу, – Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

– Ты чего?.. Чего ты? Это ты зря! Да если б не Лохматый – нам бы конец! Понимаешь – всем конец! Я спас тебя... Спас! – горячо зашептал, оправдываясь, хозяин.

Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону. «А может, и не погибли бы? – неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. – Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

– Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

– Видал... Живы-здоровы. Хоромы большущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать к нам... Помочь по хозяйству.

– Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, – робко возразила супруга.

– Ничего, у себя всегда успеется.

– Мясо-то продал?

– А то! Мясо – не редька, только свистни, – Лапа нащупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

– Держи, – развернул он цветастый платок.

– Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

– Будя трепаться, – грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

– Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

– Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, – торопливо возразил он, – да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряжённо вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

– А-а-а! – заметался Лапа.

– Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? – трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё – не мог взять в толк, где находится, всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец узнал дом, жену.

– Фу-ты, – облегчённо выдохнул он.

– Чего кричал так, Федя? – допытывалась встревоженная супруга.

– Мяса, видать, переел. Мутит. Недоварила, верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпёр дверь. У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть, злобно ощерившаяся пасть.

– Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшись, Лапа невольно попятился, запнулся о порог и упал. В голове вновь возник и стал нарастать гул... Гул смерти...

Свора

рассказ

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчиков. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звенящей мошкары. Сгоняя наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донёсся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, означавшим – «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть либо молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый волчище – Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед со-

вершил ошибку: прыгнув на быка, с ходу угодил под сокрушительный встречный удар – острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник – Смельчак – первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смельчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» – говорили его поза и грозный оскал.

Смельчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса из бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарив, новый вожак, поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, стал действовать по правилу – «как хочу, так и ворочу». И волки безоговорочно подчинились Смельчаку. Это стало доставлять ему особое, прежде не веданное наслаждение – наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы его правления складывались очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смельчака и нескольких приближённых угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смельчак со свитой угодников выходил из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно лёгкой, шайка Смельчака, чтобы размяться, тоже участвовала в ней.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смельчака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело натыкаться в лесу на зарезанных, но нетронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, вздыхала, горестно поскуливала. Люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что на всё воля божья.

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиты, всё ближе жались к людям.

Как-то олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в мечущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлёбываясь кровью. Вся эта резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что

даже горы и те с немым укором взирали на кровавое побоище.

– Сие – проделки диавола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! – воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода – кряжистый бородач лет сорока – смекнул, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный охотник не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак – умная бестия – всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смельчак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть – словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, вскарабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила рядом, искусно минуя засады.

Среди ночи у не смыкавшего глаз Колоды возникло ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не разглядел Смельчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали – от волка исходила невыносимая вонь.

– Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, – удивился Матвей.

– А что ты хочешь? Они же слуги диавола, – пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Подзабывшие уже о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смельчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смельчак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смельчаку, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей, и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Слу-

чайно наткнувшиеся на место трапезы охотники вспугнули зверей. Объевшиеся волки убегали поначалу не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что в них обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смельчак тоже хорошо знал своих гонителей, особенно Колоду, чуя в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и проницательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождал желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища – ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с ним, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котяра в те дни, когда уходил из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустился в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь поспешила к внушительному скалистому останцу. Бежала с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинуясь своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускающегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смельчака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдыхавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немыслимых позах, в тени деревьев. Увидев Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал своё непочтение.

– Ну что, померимся силой? Давай! Я готов! – говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошёл даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая отчёт, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть – гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешённый Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против

друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые как снег клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смельчака сделать бросок. А противник только и ждал этого – отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смельчак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали – его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи, наоборот, заводила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И, когда Смельчак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться – расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи. Принюхался – точно, она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свежеины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матери. Приседая на корточки, он с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее, один полуоткрытый глаз сразу выдал его – точно, Смельчак!

– Вот это встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, жив?! – воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились – то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак отвёл взгляд, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смельчак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

– Нечего плакаться, получил ты, брат, по заслугам.

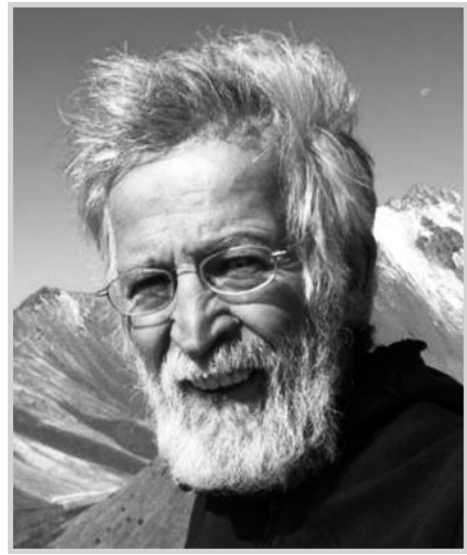
Охотник спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смельчаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул.

– Не робей, лежачих не бью, – охотник склонился над зверем и... наткнулся на застывший взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

– Всё, как у людей, – задумчиво растягивая слова, проговорил старик. – Рано или поздно за всё приходится платить.

□

Камиль Фарухшинович ЗИГАНШИН

окончил Горьковский политехнический институт.
Прозаик, путешественник.
Автор книг «Маха, или История жизни кунички» (1992), «Щедрый Буге» (1996), «Боцман» (2002), «Скитники» (2004), «Золото Алдана» (2010), «От Аляски до Эквадора» (2016), «Возвращение росомахи» (2017) и др. и «Имперская культура» им. Э.Володина (2004),
Лауреат международного конкурса детской и юношеской художественной литературы им. А. Н. Толстого (2006),
Государственной премии Республики Башкортостан им. Салавата Юлаева (2012),
Большой литературной премии России (2016),
Международной литературной премии им. Ивана Гончарова (2018) и др.
С 2014 г. председатель Регионального отделения Русского географического общества в Республике Башкортостан.
Член Союза писателей России.
Зслуженный работник культуры РБ и РФ.
Живет в Уфе.